
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

А.А. Кинякин

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Михлухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена рассмотрению процесса становления и развития институтов гражданского общества в контексте экономического развития постсоветской России. Предметом анализа становятся субъекты, формы и механизмы гражданской активности исходя из специфики экономического и политического развития, а также культурно-исторического типа России. В статье рассматриваются проблемы становления гражданского общества в России, а также дается оценка перспективам его развития в дальнейшем.

Ключевые слова: гражданские институты, экономические акторы, малый и средний бизнес, корпоративное государство, гражданское общество.

В последнее время в отечественной общественной науке наблюдается заметный всплеск интереса к проблематике гражданского общества. Предметом разного рода исследований становятся различные аспекты функционирования гражданского общества, такие как природа и формы гражданской активности, функционирование институтов гражданского общества, механизмы взаимодействия с государством. При этом эти исследования не ограничиваются только рассмотрением практики функционирования гражданского общества в развитых странах, но и анализируют проблемы развития гражданских институтов России.

Однако, как правило, предметом подобного анализа становятся негосударственные и некоммерческие организации, действующие преимущественно в социальной сфере (advocacy). При этом зачастую из исследовательского поля зрения выпадает экономическая сфера, где гражданская активность не столь заметна. Тем не менее, именно деятельность экономических институтов, а также развитие рыночной экономики является одним из факторов развития и функционирования гражданского общества. В этой связи особый интерес представляет анализ становления и развития институтов гражданского общества в контексте экономического развития постсоветской России.

Первые признаки гражданской активности в экономической сфере в России проявились еще в позднюю советскую эпоху — период «перестройки». Принятые в 1986—1991 гг. законодательные акты (1), направленные на либерализацию экономической сферы, способствовали активизации предпринимательской деятель-

* Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009—2010 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

ности и началу активного процесса накопления капитала. Особо в данной связи следует отметить принятый в мае 1988 г. закон «О кооперации в СССР», стимулировавший предпринимательскую инициативу и возрождение предпринимательского класса в России. На его основе за относительно короткий промежуток времени в Советском Союзе появилось несколько тысяч новых экономических образований — кооперативов (главным образом потребительских), представлявших собой предприятия малого бизнеса. В конце 80-х гг. XX в., по некоторым оценкам, количество кооперативов в СССР составляло 200 тыс., а число занятых в них превышало отметку в 5 млн человек [1. С. 213]. При этом кооперативное движение, охватившее все слои тогдашнего советского общества, представляло собой не только экономический феномен (буквально за считанные годы кооперативы стали основой фактически отсутствовавшего в советской экономике третичного сектора — сферы услуг), но и социальный, явившись наглядным свидетельством подлинно гражданской активности.

Кооперативное движение имело четко выраженную коммунитаристскую направленность, в том смысле, что решение об образовании кооператива как формы коллективной экономической деятельности исходило напрямую от граждан на добровольческой основе без какого-либо активного вмешательства со стороны государства.

В значительной степени это отличалось от существовавших до этого форм коллективной экономической деятельности (в частности, колхозов) и полностью противоречило основным принципам плановой экономики, строившейся на основе жесткого регулирования со стороны государства, выступавшего в качестве перераспределительного механизма и не учитывающей экономическую эффективность. В то же время следует отметить, что кооперативы как экономические организации, пожалуй, как ни что другое воплощали в себя истинные коллективистские начала экономической деятельности, строившейся на объединении свободного труда, стремящегося производить общественные блага.

Параллельно с процессом создания кооперативов, которые с самого начала доказали свою экономическую эффективность, активно шел процесс структурирования кооперативного движения на основе различных представительных организаций. Только с 1988 по 1990 гг. в СССР было создано порядка 15 отраслевых и межотраслевых представительных организаций. В числе основных их функций являлась не только консолидация кооператоров на своей основе, но и представление их интересов в органах власти. Фактически кооператорские ассоциации представляли собой самоорганизующиеся организации низового типа, что сближало их с институтами гражданского общества.

В целом, основной заслугой кооперативов стало то, что они не только способствовали возрождению предпринимательства в России, но и заложили основы для рыночной экономики, а также создали предпосылки для формирования малого и среднего бизнеса, в основе которых лежит уже не столько коллективная, сколько индивидуальная экономическая деятельность.

Распад в начале 90-х гг. Советского Союза, вследствие чего произошла смена политической и экономической системы, создал как новые стимулы для россий-

ской экономики, так и обозначил новые вызовы. Прежние экономические связи оказалась в значительной мере нарушены, что значительно затрудняло процесс экономического сотрудничества, заставив искать новые рынки сбыта. С другой стороны, российская экономика, вошедшая в стадию структурной трансформации, связанной с переходом от плановой экономики к рыночной, получила возможность самостоятельного развития без «балласта» в лице прежних союзных республик.

В числе первоочередных задач, стоявших на повестке дня, стал форсированный переход к рыночной экономике, для чего необходимо было создать рыночный (негосударственный) сектор. С этой целью в начале 90-х гг. начался процесс массового разгосударствления (приватизации). Однако, вопреки ожиданиям, он не привел к ожидаемому эффекту — переходу к рынку в кратчайшие сроки и созданию среднего класса. Напротив, приватизационные процессы способствовали консервации тех экономических явлений, которые наблюдались еще в советское время (в частности, увеличению «теневого» сектора экономики), а также значительному имущественному расслоению в российском обществе. На этом фоне появление и увеличение численности новых экономических акторов — бирж, число которых в начале 90-х гг. возросло до 2500, а также бурное развитие банковского сектора, занимавшегося не столько кредитованием экономики, сколько валютными спекуляциями, выглядело как пародия на рынок.

Развитие по-настоящему рыночных отношений в России, как полагают некоторые исследователи, началось после кризиса 1998 г. (2). Несмотря на негативные аспекты, связанные с ухудшением макроэкономической ситуации (снижение покупательной способности и реальных располагаемых доходов населения), дефолт оказал в целом положительное влияние на развитие российской экономики. В частности, он способствовал значительной активизации экономической активности в тех секторах, которые традиционно ориентируются на внутренний рынок. Кроме всего прочего, он создал благоприятную почву для развития и укрепления малого и среднего бизнеса (МСБ) как самостоятельной экономической силы. По мнению ряда авторов, МСБ, начавший активно формироваться в середине 90-х гг., стал основным бенефициаром посткризисного периода (1999—2000 гг.), характеризовавшегося бурным развитием российской экономики как следствия значительного сокращения импорта, с которым традиционно приходилось конкурировать, в результате девальвации национальной валюты [4. С. 43—64].

При этом следует отметить, что на этом этапе обнаружилось существенное отличие в моделях развития крупного бизнеса, с одной стороны, и малого и среднего — с другой. В отличие от крупного бизнеса, занимавшегося преимущественно распределением и перераспределением общественного блага (наглядным свидетельством этого могут являться залоговые аукционы середины 90-х гг. прошлого века), средний и мелкий бизнес изначально был ориентирован на цели по производству и воспроизводству общественных благ путем ведения хозяйственной деятельности [8. С. 17].

Причины этого кроются не только в специфике развития МСБ в России, который, в отличие от развитых стран, был фактически лишен поддержки со сто-

роны государства, поэтому был вынужден опираться на внутренние ресурсы. Немаловажным явилось и действие ряда внешних факторов. В числе таковых следует отметить завершившийся к концу 90-х гг. процесс так называемой «большой приватизации», характеризовавшейся ускоренным разгосударствлением.

Массовая приватизация в России, изначально принявшая гипертрофированный вид (первыми подлежали разгосударствлению крупные, а не мелкие и средние предприятия, следствием чего явилось полное отсутствие стабилизационных механизмов и механизмов институционализации) и проводившаяся с многочисленными нарушениями (нередко с использованием неконвенциональных методов), способствовала концентрации собственности в руках определенной группы лиц, представителей преимущественно финансового капитала. Следствием это стало становление системы так называемого олигархического капитализма, в основе которого было распределение общественных благ между государством и крупным бизнесом.

При этом в условиях фактического отсутствия институциональных механизмов в экономике, в частности, институционализированной частной собственности, а самое главное — закрепленного в общественном сознании легитимированного права собственности, являющегося одним из неперенных атрибутов гражданского общества, крупный бизнес отнюдь не мог претендовать на то, чтобы быть выразителем гражданских инициатив.

В то же время средний и мелкий бизнес, имеющие в России, как и в других странах, коммунитаристскую природу, активно не участвовавшие в процессах «массовой приватизации» и более позитивно воспринимающиеся в массовом общественном сознании, получили возможность отстаивать гражданские права в широком смысле. Некоторые исследователи полагают, что средний и малый бизнес в узком смысле и представляют собой гражданское общество, поскольку имеют прямое отношение к некоммерческому сектору [2. С. 34].

Отчасти это утверждение справедливо, учитывая тот факт, что большинство НКО, как правило, являются сравнительно небольшими по численности организациями, что позволяет соотносить их со средними и малыми предприятиями. С другой стороны, гражданское общество традиционно принято отделять не только от государства, но и бизнеса. Последний, безусловно, имеет ряд признаков гражданственности (особенно, как уже говорилось, вследствие коммунитаристской природы). Тем не менее, основной задачей любого бизнеса является повышение экономической, а не социальной эффективности. Во многом именно это не позволяет его полностью отождествлять с гражданским обществом.

В целом следует подчеркнуть особое значение (и Россия в данном случае не является исключением) среднего и малого бизнеса как потребителя общественных трудовых ресурсов. В частности, как показывают многочисленные исследования, активное развитие малого и среднего бизнеса способствует формированию в общественной структуре среднего класса, который является одной из наиболее мобильных страт гражданского общества [3. С. 45—47].

Бурное экономическое развитие в России в период после дефолта 1998 г., заметную роль в котором сыграл МСБ, сопровождалось существенным повышени-

ем гражданской активности. Во многом это выразилось в создании многочисленных отраслевых ассоциаций. По разным оценкам, в период с 1998 по 2001 г. в России было создано порядка 50 отраслевых представительных организаций (См.: [7]).

Примечательно, что многие из них, создаваемые в форме некоммерческих и самоорганизующихся организаций (СРО), что было призвано подчеркнуть их гражданственный характер, представляли интересы не только малого и среднего бизнеса, но и некоммерческого сектора. Во многом это сближает отраслевые ассоциации МСБ с институтами гражданского общества. Хотя отождествлять их, как отождествлять средний и малый бизнес с гражданским обществом, было бы не совсем верным.

Усиление роли малого и среднего бизнеса в восстановительный период 1999—2000 гг. в российской экономике дало ему возможность более активно вступить в диалог с государством по выработке правил игры в экономической сфере. В частности, при непосредственном участии представителей малого и среднего бизнеса в период 2000—2001 гг. был принят целый ряд законов, направленный на стимулирование предпринимательской активности и деbüroкратизацию экономики (к примеру, стоит отметить законодательство, уменьшающее количество проверок бизнеса, введение практики «одного окна» и т.д.) [8. С. 12].

Также представители МСБ активно участвовали в разработке знаменитой «программы Грефа» — плана институциональных преобразований в российской экономике, направленных на ускорение экономического роста за счет увеличения в структуре российской экономики доли обрабатывающих секторов и уменьшения доли добывающих. К сожалению, многие положения этой программы так и не увидели свет. Тем не менее, сам факт участия представителей малого и среднего бизнеса в ее разработке свидетельствует о той роли, которую приобрел МСБ в качестве контрагента государственных структур.

В целом же именно в посткризисный (после дефолта 1998 г.) период российская экономика приобретала более рыночный характер. В данном случае имеются в виду прежде всего формы ведения экономической деятельности, которые стали носить более рыночный (читай: цивилизованный) характер.

Именно в конце 90-х — начале нулевых годов практически сходит на нет печально известная практика заказных убийств (физическое устранение конкурентов), экономические споры начинают все больше разрешаться в судах, а не с привлечением криминальных структур, экономическая деятельность приобретает менее «теневой» характер.

В то же время следует отметить, что в это время выявился ряд новых проблем. В частности, следует отметить получившую большое распространение практику силовых захватов (рейдерства), а также заказных банкротств (особенно в период с 1998 по 2003 г.). Тем не менее, существенным отличием посткризисного от докризисного этапа развития российской экономики является то, что экономика постепенно стала выходить из «тени», в которой она пребывала, начиная с начала 90-х гг. И это не преминуло сказаться на экономической ситуации. Приведем всего лишь один факт: собираемость всех видов налогов, начиная с 1999 г.,

в среднем увеличилась в 3,5 раза по сравнению с предшествующим пятилетним периодом [5. С. 251].

Немаловажным также явилось и то, что активное экономическое развитие способствовало тому, что доля негосударственного сектора экономики в России значительно увеличилась. В результате именно рыночный сектор стал доминирующим в структуре российской экономики.

Посткризисное бурное экономическое развитие России на основе обрабатывающих секторов и отраслей, проведение институциональных реформ в экономической сфере, укрепление и рост численности среднего и малого бизнеса — все это создало предпосылки для заключения нового общественного договора, а вернее, отхода от традиционной для России модели вертикального контракта, предусматривающей доминирующую роль государства (в гоббсовском понимании), и перехода к модели горизонтального контракта, в основе которого лежит более активное участие в общественных процессах институтов гражданского общества.

Однако предпринятая в начале 2000-х гг. попытка этого провалилась. Произошло это по ряду причин. Основной, как полагают некоторые авторы, является сложившийся в России на протяжении долгого времени характер общественных отношений, или, как принято это называть в западной научной среде, «проблема колеи» (path dependency problem) [8. С. 42].

На протяжении всего своего многолетнего развития Россия является страной «имманентного этатизма». Во многом это проистекает из культурно-исторического типа, который сложился на протяжении столетий. Заимствованная «византийская» традиция государственности, нашедшая свое отражение в различных общественных конструктах (концепция «Москва — Третий Рим»), мобилизационный путь как политического, так и экономического развития, долгий период самодержавного правления и фактическое отсутствие институтов представительной демократии, общинный строй как форма коллективизма — все это во многом предопределило характер общественного развития, которое строится на основе так называемого вертикального контракта. Причем в России относится это в равной мере ко всем сферам общественной жизнедеятельности.

В экономической сфере это выразилось в концепции так называемого «служилого государства», представляющего собой, с одной стороны, форму вертикального контракта, а с другой — механизм распределения общественных благ, выстроенный в форме патрон-клиентских отношений. В основу «служилого государства» был положен примат государственной формы собственности на все общественные блага.

Государство, выступавшее в роли патрона, распределяло общественные блага на основе оказываемых ему услуг (службы — отсюда термин «служилое государство»). При этом «служилые люди», представлявшие собой клиентов, получавшие от государства блага, к примеру, собственность, не могли быть уверены в том, что они им принадлежат до конца. В этих условиях институт и право частной собственности, которые являются одними из основных атрибутов гражданского

общества, в России не сложился в привычном понимании этого слова. Отсутствие права собственности во многом сдерживало экономическое развитие в России. К примеру, экономическая модернизация произошла намного позднее, чем в европейских странах.

Немаловажным также является то, что еще со времен Петра I предприниматели рассматривались в качестве «агентов казны», то есть выполняли определенные делегированные им государством функции (клиентов). Фактически это означает государственное регулирование экономической деятельности: государство посредством своих представителей активно участвовало в экономических процессах, выступая главным образом в качестве распределительного механизма, и стремилось всячески исключить фактор «самодеятельности».

В этих условиях говорить о развитии частной предпринимательской инициативы как факторе экономического и, шире, общественного развития не приходится. Скорее, наоборот, рассматривая историю предпринимательства в России, неизбежно приходится констатировать, что в подавляющем большинстве случаев инициатива исходила именно от государства, время от времени с помощью «агентов казны» проводившего экономическую модернизацию мобилизационными методами (в частности, можно вспомнить строительство в России железных дорог или крупные стройки в период первых пятилеток).

Эта система «служилого государства», основанная на модели патрон-клиентских отношений и фактически исключавшая какую-либо гражданскую инициативу, в постсоветской России была воссоздана дважды. Первый раз — в виде системы «олигархического капитализма» и второй раз в виде системы так называемого «государственного капитализма». Причем оба раза она была основана на вертикальном контракте, заключаемом между государством и бизнесом.

В случае с системой «олигархического капитализма» это было знаменитое «заседание в Давосе» в январе 1996 г., в ходе которого олигархами было принято решение о поддержке в ходе выборов президента Б. Ельцина. В случае же с «государственным капитализмом» — объявленный в июне 2000 г. президентом В. Путиным новый принцип во взаимоотношениях власти и бизнеса, основанный на так называемом «равноудалении олигархов».

При этом любые попытки изменить существующий вертикальный контракт жестко пресекались. Наиболее ярким примером в данной связи может служить знаменитое «дело ЮКОСа», в основе которого лежал конфликт властей и руководства крупнейшей на тот момент в России нефтяной компании. Последнее попыталось изменить заключенный ранее контракт, финансируя различные оппозиционные политические силы, а также некоммерческие организации (созданная топ-менеджерами ЮКОСа РОО «Открытая Россия» в начале 2000-х являлась крупнейшей НКО в России). При этом руководством компании, скорее всего, двигало не столько стремление «отдать долг» обществу, т.е. осуществлять так называемую компенсационную функцию, перейдя от перераспределительного (рентоориентированного) характера деятельности к производительному в плане общественных благ, сколько желание улучшить свой имидж за рубежом. Начиная с 2002 г. ру-

ководство компании вело переговоры с американским нефтегазовым гигантом ExxonMobil о продаже контрольного пакета ЮКОСа.

«Дело ЮКОСа» весьма показательно, поскольку оно демонстрирует реальное состояние российского гражданского общества. На поддержку компании встали практически все существовавшие на тот период времени НКО, а также политические партии. Но отнюдь не сами граждане (население), большинство из которых выступило против олигархов. Причиной этого является то, что в общественном сознании руководство компании четко ассоциировалась с «массовой приватизацией», а сам ЮКОС — «народным достоянием», попавшим в руки «горстки нуворишей».

Весьма характерным в этой связи является опрос, проведенный в июле 2003 г., спустя всего несколько дней после ареста одного из основных акционеров ЮКОСа П. Лебедева, с которого принято вести отчет «дела ЮКОСа», по заказу газеты «Ведомости». На вопрос «Стоит ли пересмотреть итоги приватизации?» более 70% респондентов дали положительный ответ.

Это лишний раз доказывает не только тот факт, что в России институт частной собственности по-прежнему не легитимирован и не институционализирован в общественном сознании.

Причем непризнание права собственности со стороны населения обусловлено не только особенностями культурно-исторического типа, сколько напрямую вытекает из перераспределительного характера деятельности крупного бизнеса в России, который не занимался производством общественных благ, пренебрегая правами и интересами целого ряда групп населения.

К сожалению, «дело ЮКОСа» стало прецедентным и повлекло за собой волну притеснения бизнеса со стороны государства. Причем коснулось это не столько крупного бизнеса, имевшего контракт с государством, сколько менее защищенного среднего и мелкого, одного из источников гражданских инициатив. Ужесточение государственного нажима на бизнес (в частности, увеличение количества налоговых проверок, особенно так называемых камеральных) способствовало существенному ухудшению инвестиционного климата, а также уменьшению стимулов для занятия предпринимательской деятельностью. А самое главное — это создало предпосылки для усиления роли государства в экономике и начала так называемого «огосударствления».

Причем процесс «огосударствления», начало которому было положено в конце 2004 г. аукционами по продаже имущества того же «ЮКОСа», привел не только к новому вертикальному контракту, заложившему основы системы «государственного капитализма», но и во многом способствовал заметному снижению гражданской активности. В данном случае речь идет не столько о политических силах и некоммерческих организациях, финансировавшихся бизнесом, сколько о гражданских инициативах, исходивших от бизнеса. К примеру, после 2001 г. не проводилось гражданских форумов. Практически сошли со сцены отраслевые ассоциации, активно создававшиеся бизнес-структурами в 1999—2001 г.

Тем не менее, нельзя говорить о том, что гражданская активность в России окончательно сошла на нет. Несмотря на то что она существенно уменьшилась

на мезоуровне (уровне НКО), на микроуровне (коммунитаристком) она продолжала развиваться. И импульсами к ее развитию стала динамика экономических процессов.

Причем наиболее заметно гражданская активность проявилась в таких сферах, как строительство и финансы, где становление институтов рыночной экономики шло опережающими темпами (особенно это касается финансовой сферы).

«Строительный бум» начала 2000-х г., ставший одним из следствий преодоления дефолта 1998 г., привел к расцвету не только инвестиционной активности граждан, но и различного рода махинаций, связанных с недвижимостью. В свою очередь, это вызвало существенный рост гражданской активности, связанной с защитой прав обманутых инвесторов и пресечением деятельности «строительных пирамид» (в частности, печально известной «Социальной инициативы»). На фоне роста гражданской активности, в начале 2000-х г. принявшей угрожающие масштабы, власти были вынуждены отреагировать, приняв закон «О долевом строительстве», который в значительной мере снизил риски, связанные с инвестированием в строительство.

В финансовом секторе ситуация обстояла иначе. Первые ростки гражданской активности проявились еще в 1995 г. в связи со знаменитой финансовой пирамидой «МММ».

Однако более заметный характер гражданская активность приобрела после дефолта 1998 г. Банкротства ряда системообразующих банков (в частности, «СБС-Агро», Инкомбанка) привело к созданию комитетов по защите прав вкладчиков. Во многом благодаря их деятельности ряд вкладчиков вернул частично свои средства. В конце 2003 г. ситуация повторилась в связи с банкротствами Сodbизнесбанка и банка «Кредиттраст». Вкладчики, объединившись в ассоциацию по защите прав вкладчиков, смогли через суд защитить свои права (См.: [6]).

«Кредитный бум» начала 2000-х г. также внес свои коррективы в ситуацию с гражданской активностью в финансовом секторе. Завышенные, а порой и незаконные комиссии ряда кредитных организаций привели к тому, что многие граждане стали активно обращаться в потребительские конфедерации (например, в Конфедерацию обществ потребителей), а также в государственные органы (к примеру, в Роспотребнадзор) с просьбами защитить их права.

Некоторые потребители пошли дальше, попытавшись действовать самостоятельно путем подачи коллективных исков в суд. Результатом подобного рода гражданской активности стало принятое Банком России, регулирующим органом в финансовой сфере, предписание банкам раскрывать эффективные процентные ставки по кредитам, а также запрет на использование скрытых комиссий.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что по мере становления рыночных отношений растет и гражданская активность. К сожалению, она зачастую носит кризисный (вернее, антикризисный) характер). В данной связи нельзя не отметить знаменитый закон № 122 «О монетизации льгот», приведший к значительному росту гражданской активности. Тем не менее, даже несмотря на кризисную направленность, сам факт роста гражданской активности по мере активизации в России экономических процессов не может не обнадеживать. Хочется верить,

что через определенное время права собственности, частная инициатива в России наполнятся реальным содержанием, что создаст предпосылки для формирования настоящего гражданского общества. Пока же приходится констатировать, до этого еще очень далеко.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В частности, закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.); закон «О кооперации в СССР» (1988 г.); закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (декабрь 1990 г.); закон «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» (апрель 1991 г.).
- (2) В частности, такого мнения придерживается известный экономист Е. Ясин (См.: [9. С. 7]).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вахитов К.И.* История потребительской кооперации России. — М., 1998.
- [2] *Мецзяков И.А., Либоракина М.И.* Роль некоммерческого сектора в экономическом развитии России. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2004.
- [3] *Радаев В.В.* Средний класс в России, или к появлению нового мифа // *Знание — сила*. — Июль 1998.
- [4] *Радаев В.В.* Российский бизнес: на пути к легализации? // *Экономическая социология*. — Январь 2002. — Т. 3. — № 1.
- [5] *Шамхалов Ф.И.* Государство и экономика. Основы взаимодействия. — М.: Экономика, 2005.
- [6] Ведомости 10.06.2004. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2004/06/10/76974>
- [7] Экспертный канал «Открытая экономика». URL: <http://www.opes.ru/1239006.html>
- [8] *Аузан А.* Колея России: Общественный договор и гражданское общество (Лучшая публичная лекция 2004 г.) // *Новая газета*. — 2005. — 7 февраля. — № 9.
- [9] *Ясин Е.* Дефолт дал нам шанс // *Российская газета*. — 2008. — 15 августа.

ECONOMIC ASPECTS OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTES IN POST-SOVIET RUSSIA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

A.A. Kinyakin

The Department of Comparative Politics
Peoples` Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the consideration of the process of formation and development of institutes of civil society in the context of economic development of post-soviet Russia. The subject of the analysis are the actors, forms and mechanisms of civil activity based on the specifics of economic and political development as well as cultural type of Russia. The article also explores the difficulties of formation of civil society in Russia and examines the perspectives of its further development.

Key words: civil institutes, economical actors, small-scale business, corporative state, civil society.